

ISSN 1560-2974

THE LINGUISTIC SOCIETY OF ST. PETERSBURG

ЯЗЫК И
РЕЧЕВАЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

'98

А.В.Циммерлинг (Москва)

История одной полемики

Около 70 лет назад Л.В.Щерба в работе "О частях речи в русском языке" высказал мысль, что в русском языке находится в стадии активного формирования или уже сформировалась особая часть речи, названная им категорией состояния (далее - КС). Новая часть речи, по его мнению, пополняется за счет специализации в функции сказуемого неизменяемых слов типа *стыдно, грустно, весело, надо, жаль, пора, навеселе* большую часть которых его предшественники квалифицировали как предикативные наречия [Овсяннико-Куликовский 1912: 194, Шахматов 1941, 113-115], либо как краткие формы прилагательных [Попов 1881: 49-50], либо игнорировали вообще. Л.В. Щерба полагал, что высказывания со словами КС имеют в русском языке инвариантное значение "состояния" и семантически противопоставлены как высказываниям с полными формами прилагательных, имеющим значение "качества", так и глагольным предикатам "действия" [Щерба 1974: 90].

Многие идеи Л.В.Щербы опередили своё время. Так, уже в 1980-е гг. была отмечена близость между подходом Щербы и современными исследованиями в области классификации предикатных значений [Булыгина 1982: 31, Селиверстова 1982: 88]. Что касается гипотезы о КС, то за последние полвека периодически появлялись работы как апологетического [Виноградов 1947: 401-421; Исаченко 1955], так и полемического плана [Шапиро 1955; Sperber 1974; Апресян 1985: 299-308], целью которых было окончательно утвердить либо развенчать идею Л.В.Щербы как истинно верную или методологически несостоятельную: в большинстве перечисленных работ выражается недоумение или раздражение тем обстоятельством, что дискуссия еще продолжается. Тем не менее представляется важным еще раз оценить гипотезу Щербы в том контексте, в котором она была высказана, и в плане тех задач, которые она была призвана решить. Для этого необходимо ответить на три вопроса:

(i) Действительно ли в русском языке имеет место процесс формирования новой части речи ?

(ii) Достоверен ли постулированный Л.В.Щербой механизм формирования новой части речи ? Имеются ли подобные прецеденты в других языках ?

(iii) Каков статус слов, подводимых под КС в русском языке и, если КС имеется за его пределами, в других языках ?

Все три вопроса имеют определенную историю обсуждения в отечественной лингвистике; при этом логика развития дискуссии является в своем роде столь же захватывающим объектом изучения, как и языковой материал, вдохновлявший сторонников КС и их оппонентов.

Уже в 1940-50 гг. обозначилось стремление экстраполировать гипотезу о КС за пределы русского языка, что вполне естественно ввиду того, что становление разряда предикативных слов связывается с фактором, для русской грамматики неспецифичным - распространением неглагольных типов сказуемого и появлением связочных конструкций без согласования. По мнению С. Я. Лурье [Лурье 1955], доля "аморфных слов" в функции сказуемого в индоевропейских языках неуклонно возрастает. Сходных взглядов придерживался Б. А. Ильиш,

который полагал, что современные английский и немецкий языки находятся в начальной стадии процесса, который привел к формированию КС в русском языке [Ильиш 1948, 1951]. Сопоставление современных германских языков с русским, однако, показывает, что тенденция определена ошибочно. Понятие "аморфности" т.е. отсутствия показателей определенной части речи смешивается с понятием синтаксической неоднозначности слова. Русские предикативы с финалью *-o* типа *грустно, смешно* неоднозначны постольку, поскольку у большинства из них есть парные наречия, соответственно, тот факт, выступает ли форма на *-o* как предикатив (слово КС в терминологии последователей Щербы) или как наречие образа действия, определяется синтаксической позицией: *он грустно улыбнулся - ему стало грустно*. В то же время русские предикативы с финалью *-o* никак нельзя считать аморфными, так как почти все они являются аффиксальными словами, образованными от основ качественных прилагательных. К тому же в позиции сказуемого предикативы на *-o* хорошо отличаются от согласуемых форм прилагательных и существительных, имеющих иные морфологические показатели¹. Напротив, в английском и немецком языках у предикативных словоформ со значением состояния на порядок меньше признаков, отличающих их от прилагательных и существительных, ср. морфологию именных слов в парах нем. *mir ist kalt* "мне холодно" и *er ist stolz* "он горд(ый)", *mir ist schwül* "мне душно" и *er ist schwul* "он - педераст". Б. А. Ильиш пишет, что в немецком языке КС находится в зачаточном виде и может быть определена только путем сопоставления с материалом других языков [Ильиш 1951: 180], но эта оговорка лишь усугубляет противоречие: нет оснований считать, что у слов типа *kalt* "холодно", *schwül* "душно" в будущем появится особый маркер типа рус. *-o*, позволяющий сразу установить их позицию во фразе. Из исторической грамматики известно, что именно утрата флексий предикативными прилагательными является инновацией по сравнению с древненемецким периодом. Не удовлетворяют типологическому прогнозу и английские слова с префиксом *a-*, в которых Б.А.Ильиш видит ядро английских форм КС. Данный разряд сформировался на рубеже средне- и новоанглийской эпох и в настоящее время не пополняется; к тому же, помимо форм со значением состояния - *alive, afraid, asleep*, в нем есть слова с самой разной семантикой и синтаксическим поведением - *akin* "родственный", *alone* "один, одинок", *away* "прочь", *afoul* "в разладе".

Автор настоящей статьи далек от мысли дискредитировать сопоставительный подход к проблеме КС. Тем не менее приходится отметить, что в ранних попытках этого рода тенденция к становлению новой части речи постулировалась произвольно, без учета особенностей исторического развития: при этом черты русского языка - эталона проецировались на другие грамматические системы. Гораздо более респектабельно выглядит научное построение, воплощенное в работах В.В.Виноградова и А.В.Исаченко. Если Б.А.Ильиш и С.Я.Лурье объясняли становление КС универсальными тенденциями развития грамматического строя, то данные ученые прежде всего стремились доказать типологическую уникальность ситуации, возникшей в русском языке. Опираясь на идею Л.В.Щербы о том, что связка представляет собой особую служебную часть речи [Щерба 1974: 100], В.В.Виноградов и А.В.Исаченко утверждали, что

¹ Исключение составляет квалификативная конструкция с согласуемым кратким прилагательным в форме ср. р. типа *вино (ср.р.) вредно детям* - ср., с одной стороны - *тебе вредно много пить*, с другой - *коньяк (м.р.) - детям вредно*. Формальные признаки данных конструкций обобщаются, в частности, в [Пешковский 1938: 328, Булыгина 1982: 32, Сергеева 1985: 76].

становление КС является оборотной стороной расщепления лексемы "быть" на полнозначное и служебное слова в истории русского языка и опущением связки в 3 л. ед.ч. наст. времени изъявительного наклонения. Русские формы КС они признают своего рода аналитическими словами, возникшими в результате сращения прилагательных, наречий и существительных с неполноударными формами глагола "быть" [Виноградов 1947: 401-421; Исаченко 1955]. Выраженную (*ему было стыдно*) или невыраженную (*ему стыдно*) связку "быть" при этом В.В.Виноградов и А.В.Исаченко считают возможным трактовать как аналитическую морфему времени и наклонения [Виноградов 1947: 401-421; Исаченко 1955, Поспелов 1955]. Поскольку бессвязочное предложение имеет максимальное распространение в современном русском языке, искать КС как часть речи за его пределами, в соответствии с данным взглядом, не приходится [Исаченко 1955: 65]. Тезис о сращении именного слова со связкой вызвал металингвистические возражения - указывали, что понятие аналитического слова противоречиво - [Смирницкий 1959: 83], - однако он сомнителен и в плане эмпирики, и что вдвойне важно, с позиций самой гипотезы Л.В.Щербы. Если КС - просто аналитические эквиваленты глаголов², тезис о семантическом противопоставлении слов состояния и глагольных предикатов действия утрачивает силу, соответственно, размывается почва для признания новой части речи. Утверждение, что рус. *печально* в *им печально* якобы представляет собой сращение с нулевой связкой, а стсл. *печально* в *имъ* □ *сть печально* Супр. 396, 24 - нет, не помогает историку языка понять, чем различаются значения этих высказываний. Позднейшие исследования, выполненные на материале других славянских языков, выявили значительную близость семантики в высказываниях с несогласуемым предикативным словом [Ходова 1980: 239, Маслов 1981]. Тем самым воздвигнутый В.В.Виноградовым и А.В.Исаченко барьер между русскими конструкциями со словами КС и структурно близкими конструкциями других славянских языков оказывается искусственным³. Даже если ограничиться русским материалом, тезис о сращении с нулевой связкой не выглядит обязательным, так как финитная позиция в других временах и наклонениях заполняется - *было*, *будет*, *было бы грустно*, *стало грустно*. Данный довод продиктован установкой на поиск единого формального признака, объединяющего слова с разной финалью типа *стыдно*, *навеселе*, *пора* в рамках новой гипотетической части речи; ценность его для синхронного описания и для исторической грамматики славянских языков неочевидна.

Наиболее ожесточенные споры велись вокруг словообразовательного статуса слов КС в русском языке. При этом, как и следовало ожидать, многие участники дискуссии отвергали доводы типологического плана и настаивали на последовательном проведении принципов синхронного описания. Пик активности дебатов о КС приходится на середину 50-х годов: ср. дискуссию 1954 г. о частях речи и явившиеся её непосредственным продолжением публикации А.Б.Шапиро, Н.С.Поспелова и А.В.Исаченко на страницах "Вопросов Языкознания" [Гаджиева, Иванчикова 1955, Шапиро 1955, Поспелов 1955, Исаченко 1955]. Оценивая аргументы сторон с сегодняшних позиций, можно сделать вы-

² Ср., например, заглавие работы [Волошина, Попова 1975]. В качестве признака сближения слов КС с глаголами рассматривалось также наличие у 12 слов с финалью *-о* валентности на прямое дополнение, ср. *жалко женицину*, *тропинку еле заметно* [Виноградов 1947: 408]. Критический разбор этого аргумента см. в [Апресян 1985:306].

³ К сходному выводу приходит К.И. Ходова [Ходова 1980: 238].

вод, что участниками дискуссии в полной мере не разграничивались два аспекта:

(а) Являются ли русские формы КС частью речи, и где её границы?

(б) Нужна ли гипотеза о КС, если не постулировать для предикативов особую часть речи?

Как известно, сам Л.В.Щерба настаивал лишь на второй части гипотезы, оставив первый вопрос открытым: первостепенную важность для него имело прежде всего "стремление русского языка иметь новую часть речи" [Щерба 1974: 91]. Работа Л.В.Щербы носила полемический характер и была направлена против традиционной морфологической классификации частей речи; в противовес Щерба допускал, что по одному признаку слово может относиться к одной части речи, а по другому - к другой. Поскольку в русской грамматической традиции победила точка зрения, что классификация слов по частям речи должна быть неперекрещивающейся [Грамматика 1970: 304, Апресян 1985: 301], приходится признать, что сторонникам гипотезы о КС не удалось привести веских доводов в пользу то, что слова КС удовлетворяют тем же критериям, что и прочие части речи русского языка, выделяемые на морфосинтаксических основаниях. Попытку совместить концепцию КС с традиционной классификацией частей речи предприняли Н.С.Поспелов и А.В.Исаченко, однако анализ их аргументов не рассеивает имеющихся сомнений.⁴ Н.С. Поспелов ограничивает КС безлично-предикативными формами. Но тогда становится ясным, что особая часть речи постулируется лишь для того, чтобы оправдать значение синтаксической позиции. В соответствии со своей концепцией Н.С.Поспелов вынужден считать даже предикативные формы на *-о* разными словами, когда они выступают в личном и в безличном предложении: 1) *Мне скучно, интересно* 2) *Мне интересно, что P*, где придаточное, по его мнению, играет роль подлежащего [Поспелов 1955: 62, 64]: первое *интересно* - КС, второе - обычное краткое прилагательное. Напротив, А.В. Исаченко, включая в состав КС разнородные несогласуемые предикаты, реализующиеся в двусоставной конструкции (слова типа *рад, горазд, наготове* и т.д.), согласен считать словом КС (в его терминологии - "предикативом") вообще любой элемент предложения, форма которого обусловлена предикативной функцией [Исаченко 1955: 64]. Но в этом случае ясно, что категориальную принадлежность слова к части речи предлагают определять для каждой словоформы отдельно⁵. Если бы А.В. Исаченко был последователен, он должен был бы считать формы *рад, рада* разными словами, на равных основаниях подводимыми под КС, но вместо этого он объявляет формы согласования "пережитками" прежних категорий.

В публикациях 50-х гг. наметились и разные варианты ответа на второй вопрос, которые нашли отражение в позднейших работах. Обсуждались следующие решения:

1) Слова, подводимые под КС, не обладают никакой грамматической общностью [Шапиро 1955: 53, Sperber 1972: 409]. Предикативное употребление - вторичная функция, присущая в русском языке всем частям речи, кроме спря-

⁴ Концепцию КС как части речи без оговорок принимают также венгерские русисты К.Болла, Э.Палл, Ф.Папп, которые декларируют близость своего подхода к подходу В.В.Виноградова [Болла, Палл, Папп 1975: 412].

⁵ Реализацией этого принципа является, например, трактовка степеней сравнения предикативов *холодно - холоднее, нужно - нужнее* как самостоятельных слов - "...степень сравнения категории состояния формирует новые лексемы, которые принадлежат категории состояния как её семантический разряд" [РЯ 1989: 521].

гаемого глагола: при подходе Щербы смешиваются понятия части речи и члена предложения.

2) Общность слов, подводимых под КС, носит поверхностно-синтаксический характер. Ю.Д. Апресян вводит понятие "синтаксического признака" и предлагает снабжать все именные предикативные слова пометой *предик.* [Апресян 1985: 308, 1987: 51]. Синтаксический признак при этом определяется как "подкласс слов, традиционно выделяемый внутри частей речи на основании некоторых общих семантических свойств и некоторых общих черт синтаксического поведения". [Апресян 1985: 289]. "Грамматика 1970" четко стоит на позиции 2), в то время как "Грамматика 1980" предлагает компромиссный вариант между 2) и 3).

3) Общность слов, подводимых под КС, носит функционально-семантический характер. Данная точка зрения отстаивается в трудах Г.А. Золотовой и Т.В. Булыгиной [Золотова 1982: 278, Булыгина 1982: 32], ср. также [Сергеева 1985:75, Гард 1985: 206-210].

Ключевой проблемой, не решенной до сих пор, остается статус самого крупного разряда русских предикативов - слов с финалью *-о*, который является открытым и продолжает пополняться новыми формами⁶. При этом наибольший интерес вызывают случаи типа *грустно*, *весело*, имеющие соответствия (по мнению одних ученых - омонимы, по мнению других - лексико-синтаксические варианты) среди наречий и кратких прилагательных. Что касается немногочисленных слов с финалью *-о* и с другими финалями, не имеющих омонимов среди других частей речи - *стыдно*⁷, *тошно*, *жаль*, *навеселе*, то их наличие, с нашей точки зрения, важно прежде всего как типологический параметр, подтверждающий процесс специализации ряда слов в предикативной функции, но не имеет решающего значения для синхронного описания. Сведение слов типа *жаль*, *навеселе* к специальной рубрике [РЯ 1989: 520] или рассмотрение их в качестве неканонических наречий или существительных [Грамматика 1970: 304, 309] диктуется не планом содержания и, тем более, не планом выражения данных слов, но избранными критериями определения частей речи, в частности, тем, допускается ли существование знаменательных слов, остающихся в рамках данной классификации вне частей речи вообще. Характерно, что слова типа *жаль*, *надо* исключаются из состава наречий или существительных как нигилистически настроенным по отношению к гипотезе Щербы А.Б.Шапира [Шапира 1955: 54], так и сочувствующим ей И.Г.Милославским [РЯ 1989: 520]: при этом позиция И.Г. Милославского выгодно отличается от позиции А.Б.Шапира тем, что он признает наличие общей предикатной семантики для слов типа *жаль* и слов типа *грустно*. Таким образом, решить вопрос о целесообразности гипотезы о КС, исключив из рассмотрения основную массу предикативов, имеющих соответствия в других частях речи, вряд ли возможно. Дополнительным фактором, побуждающим рассмотреть синтактико-семантические свойства образова-

⁶ Ср. примеры окказионального употребления предикативов на *-о*, приводимые в [Грамматика 1980: 706]. Среди предикативных слов, закрепившихся в разговорном языке за последние десятилетия, можно отметить формы *жирно* "X не заслужил чего-л.", *слабо* "сомнительно, что X может выполнить нечто" и *лениво* "X не расположен к чему-л.", которое используется в значении литературного *лень*; последняя форма свойственна только младшему поколению.

⁷ В словаре Д.Н. Ушакова (1940) приводится неупотребительное в современной норме слово *стыдный* "вызывающий чувство стыда, позорящий" с примером из Л.Н.Толстого. В словаре С.И. Ожегова (1956) данное прилагательное имеет помету "устаревшее", а в МАС (³1988), что любопытно, помету "разговорное".

ний типа *грустно*, является то, что часть предикативов, исторически возникших на основе существительных, употребляется в тех же позициях, что и деадъективные слова на *-о*: *мне жаль ~ мне жалко, грех тебе ~ грешно тебе*⁸ [Поспелов 1955:64].

Русская грамматическая традиция испытала на протяжении последних пятидесяти лет значительные колебания в описании коррелятивных предикативов и наречий типа *грустно*. В.В.Виноградов и Н.С.Поспелов видели в них разные лексемы: такая трактовка обосновывалась семасиологическими процессами, приводящим, по мнению сторонников КС, к развитию у предикативов новых оттенков значения по сравнению с наречиями образа действия⁹. Последнее категорически отрицает Ю.Д. Апресян, по мнению которого в высказываниях *он весело <грустно> шел к дому и ему было весело <грустно>* представлена одна и та же лексема - "...если в употреблении этих лексем в предложениях первого и второго типов и есть микроскопические семантические различия, они явным образом не превышают семантических сдвигов, возможных в пределах одной лексемы" [Апресян 1985: 305]. Заметим в скобках, что ни то, ни другое мнение не подтверждено экспериментально, поскольку полноценное словарное описание предикативов на *-о* отсутствует по сей день: недавно вышедший словарь [Красных 1993] носит скорее прикладной, чем теоретический характер и не является полным, в чем читатель может убедиться, сопоставив его словник со списком предикативов в работе [ZatovkaAuk 1965: 74], со списком слов на *-о*, имеющих помету *предик.* в "Грамматическом словаре русского языка" - [Грам. 508-524] или с составом наречий на *-о* по данным "Обратного словаря русского языка" - [Обр. 469-493]. Капризы лингвистической моды обнаруживаются при сопоставлении "Грамматики 1970" с "Грамматикой 1980", раздел "Наречие" в которых написан одним и тем же лицом - В.А. Плотниковой. Если в "Грамматике 1970" предикативы любой морфологии рассматриваются как лексико-синтаксические варианты (в терминологии книги - "синтаксические дериваты"¹⁰) наречий или существительных [Грамматика 1970: 304, 309], то в "Грамматике 1980" предикативные наречия на *-о* и наречия образа действия на *-о* уже трактуются как разные группы слов [Грамматика 1980: 704-705].

Со времени статьи Н.С.Поспелова, отождествившего КС с "безлично-предикативными словами", большинство русистов принимало на веру, что слова на *-о*, способные формировать сказуемое односоставного предложения, представляют собой цельную группировку. Между тем синтаксические критерии объединения всех предикативных слов *-о* в одну рубрику отнюдь не очевидны, что было отмечено в ряде работ 70-80-х гг. Неясно, какие именно употребления предикативов на *-о* следует считать безличными: по мнению ряда ученых, придаточное с союзом *что* (ср. *грустно, что Р, мне грустно, что Р*), инфинитивный оборот (*мне грустно расставаться с Вами*) и слова типа *это, то, все, одно*

⁸ Ср. также *мне надо ~ арх. мне надобно, мне недосуг ~ арх. мне недосужно. Мне невтерпеж (арх. мне невтерпъ) ~ мне нестерпимо.*

⁹ То же самое утверждал А.М.Пешковский: "все слова на *-о*, употребляющиеся в безличном предложении при связке...в наречном употреблении...всегда в той или иной степени меняют значение (ср. *мне холодно* и *он холодно отнесся ко мне, ему неловко танцевать* и *он неловко танцует*)" [Пешковский 1938: 160].

¹⁰ Понятие синтаксического деривата является более обязывающим по сравнению с понятием лексико-синтаксического варианта, поскольку оно предполагает, что у лексемы есть эталонное, т.е. синтаксически-нейтральное употребление, в котором реализуется её основное словарное значение.

могут заполнять вакантную позицию подлежащего [Апресян 1985: 304]. Критерии определения подлежащего можно, конечно, подобрать так, чтобы элиминировать данные примеры (например, ценой допущения, что актантная структура слова *грустно* не меняется при добавлении сентенциальной валентности *P*), однако отсутствие жесткого запрета на сочетаемость слов *-о* с формой имен. п. остается фактом; ср. также конструкцию *морской воздух - тоже очень хорошо* (Л. Леонов) [ZatovkaAuk 1965:29, Грамматика 1970: 556].¹¹

Нет полного согласия и в том, какие именно синтаксические позиции неизменяемых слов специфичны для предикативов. Так, Н.Ю. Шведова признает форму на *-о* в высказываниях типа *Кататься - весело* наречием [Грамматика 1970: 557], Г.А. Золотова - предикативом [Золотова 1982: 269], а Т.В. Булыгина - кратким прилагательным [Булыгина 1982: 32]. Все три автора вполне обоснованно относят конструкцию к числу двусоставных¹². При этом Г.А. Золотова выводит её из КС и постулирует для неё особую категорию оценки [Золотова 1982: 272]. КС и категорию оценки Г.А. Золотова трактует как функционально-семантические поля¹³, соотнесенные с разными моделями фразы - ср. *ему было стыдно* (состояние) и *признаваться в ошибке - стыдно* (оценка), а отчасти, и с разными группами лексем.

Одним из главных признаков слов КС В.В.Виноградов и Н.С.Поспелов считали оформление семантического субъекта предикатива дат.п. Не вполне прозрачен и этот критерий. Во-первых, Л.В.Щерба и В.В. Виноградов и их последователи включали в число слов состояния предикаты типа *тепло, знойно, дождливо*, многие из которых сочетаются лишь с обстоятельствами времени и места (*на дворе, здесь, сейчас*), но не с субъектом в косвенном падеже - **мне, для меня знойно, дождливо*. Исключение таких слов заставляет модифицировать гипотезу о "состоянии" и искать общий признак в способе репрезентации психических реакций и оценок. При этом можно опираться либо на сильную валентность на дат.п., либо на слабую¹⁴. При первом подходе получается список слов, которые могут реализоваться в минимальной структурной схеме $N_{\text{dat}}\text{-Pred}\#$: *мне стыдно, жутко, зябко, муторно* и т.п., при втором - список форм на *-о*, которые, имея валентности на придаточное, инфинитивный оборот,

¹¹ Для старшей литературной нормы, с которой имели дело А.М. Пешковский и В.В.Виноградов, данный вывод справедлив вдвойне, поскольку в ней сохранялась возможность спорадического употребления неизменяемых предикативов с формой имен.п. предметного существительного. В новой норме модальные слова *надо* и *нужно* имеют валентность на партиципный объект, ср. *Любви мне не надо, Не надо страстей* (Олейников), *мне вина не нужно*. В древнерусском языке предикатив $\square\square\square\square\text{ѣ}$ > *надо* широко употреблялся и с именительным падежом [Борковский, Кузнецов 1963: 401]. Отголоски старой нормы проскальзывают у Г.Р. Державина. Наряду с привычной для современного читателя конструкцией *Мне лент и звезд не надо*, он прибегает и к конструкции *Премудрость я оставил/не надо мне она*, где она (конструкция) помогает сохранить рифму. В данной связи вызывает сомнения определение В.В.Виноградовым падежа дополнения в *им нужно дрова и свечи* как винительного [Виноградов 1947: 408]: данное решение, как и объявление модели *ум хорошо, а два лучше* продуктом иноязычного влияния [Виноградов 1947: 415] продиктовано прежде всего стремлением убрать словоформы имен.п. из схемы высказываний со словом КС. Обсуждение диахронического аспекта проблемы см. в [Ходова 1980: 272-279].

¹² Напротив, в словаре В.И.Красных реализации типа *ждать перемен было бы легкомысленно* рассматриваются под рубрикой "безличные", ср. [Красных 1993:196].

¹³ Данный термин в работе Г.А.Золотовой не употребляется.

¹⁴ При неразличении двух данных свойств отбор предикативов неизбежно становится произвольным, как в словаре [Красных 1993], где составитель четко не декларирует критерии отбора форм.

обычное дополнение, могут расширяться субъектной формой дат.п.: лишь часть слов на *-о* попадет в оба списка¹⁵.

Оценивая развитие идей о КС в 60-80 гг., можно отметить, что в этот период накал дискуссии спал, что позволило более трезво описать употребление предикативных слов. В пассив ряду публикаций этого периода можно занести их монологичность. Критика или поддержка гипотезы Щербы превратилась в фирменную черту той или научной школы или академической традиции, вследствие чего публичные выступления, затрагивающие проблематику КС, часто производят впечатление "разговора глухих": сторонники Щербы утверждали, что слова КС уже оторвались по значению от обычных наречий и прилагательных, а их оппоненты доказывали методологическую ложность самой идеи КС. Так, немецкий славист В. Шпербер, автор проницательной работы о принципах классификации частей речи [Sperber 1972], не затрагивает план содержания слов КС и вообще не приводит не единого примера. В итоге ключевой тезис о наличии семантических сдвигов, отделяющих слова КС от наречий оказался непроверенным и был отдан на откуп интуиции: ничего удивительного, что она оказалась различной у Ю.Д. Апресяна и у авторов "Грамматики 1980".

В 80-е гг. несколько раз высказывалось мнение, что гипотезу о КС целесообразно понимать не в том ключе, в котором до сих пор она обсуждалась. Т.В. Булыгина и О.А.Селиверстова указали, что статья Л.В.Щербы "О частях речи в русском языке" была первым опытом семантической классификации предикатов в русской лингвистике. Они отмечают, что большинство слов, подводимых под КС, обозначает актуальные положения дел, несовместимые с родовыми терминами, имеет инактивного субъекта - носителя признака и выражает неизменность признака на протяжении обозначаемого предикатным словом отрезка времени [Булыгина 1982: 30-33, Селиверстова 1982: 88, 127]. Словоупотребление Щербы не противоречит современной традиции: часть слов КС может быть отнесена к типу, описанному под рубрикой "состояния" (states) З. Вендлером, Дж. Лайонзом, У. Чейфом и Б. Комри [Vendler 1967: 99,103; Comrie 1976: 49; Lyons 1977: 483]. По мнению О.Н. Селиверстовой, значение "состояния", определенное Л.В. Щербой интуитивно, подтверждается тестами на сочетаемость¹⁶. Если принять данную точку зрения, специфическим, инновационным, в гипотезе о КС оказывается не столько русский материал, сколько способ его описания Л.В.Щербой, на полвека предвосхитившим аналогичные опыты описания европейских языков. Для грамматической типологии, вместе с тем, важно, что значение пребывания в определенном состоянии часто выражается в русском языке словами, не принадлежащим к парадигме глагола, т.н. "лексическими стативами" в терминах работы [ТРК 1983: 7]. То же стативное значение, согласно многим ученым, часто выражается и производными глагольными формами [ТРК 1983: 7, 42-45¹⁷, Comrie 1976: 50, 57]. Так как предикаты КС почти нигде не эквивалентны в русском языке причастным формам даже в контекстах, где те можно считать лексикализованными, адъективированными - ср. *ему **несподручно** торговать пивом* и *ему **не разрешено** торговать пивом, ему **огорчительно**, что Р и он*

¹⁵ Против объединения всех слов на *-о*, имеющих валентность на дат.п. лица, в единый класс также выдвигался тот аргумент, что слова типа *можно, надо* не имеют семантики состояния [Шапиро 1955: 51, Селиверстова 1982: 129, Апресян 1985: 306].

¹⁶ Как известно, данный метод также был впервые обоснован Л.В.Щербой под названием "лингвистического эксперимента" в работе "О тройном аспекте языковых явлений".

¹⁷ Цитируемые разделы коллективной монографии [ТРК 1983] принадлежат В.П. Немялкову и Ю.С.Маслову.

огорчен отказом - возникает проблема разграничения разных видов состояний. Данный вопрос косвенно затрагивался в связи с предположением о переходе кратких прилагательных и страдательных причастий в разряд КС, от которого большинство последователей Щербы вскоре отказалось¹⁸.

Напротив, Ю.Д. Апресян высказал убеждение, что концепция КС целиком принадлежит прошлому. В то же время он полагает, что противоречий можно избежать, если понимать КС просто как дистрибутивный класс (очерчиваемый признаком *предикативность*), выделяемый внутри частей речи на основании "некоторых общих семантических свойств и некоторых общих черт синтаксического поведения" [Апресян 1985: 289]. По его мнению, выдвижение гипотезы о КС как о особой части речи объяснялось неразвитостью аппарата лингвистики [Апресян 1985: 308]¹⁹. С такой точкой зрения нельзя согласиться по двум причинам. Во-первых, общность семантических свойств предикатов, подводимых под КС, можно принять лишь с поправкой на слово "некоторый", а общность дистрибуции неизменяемых предикатных слов остается предметом спора. При сегодняшнем уровне описания речь может идти скорее о признании нескольких разрядов предикативов. Во-вторых, решение Ю.Д. Апресяна оставляет за бортом типологическую проблематику, присутствовавшую, хотя и недостаточно эксплицитно, в гипотезе о тенденции к становлению новой части речи на базе ряда аналитических сказуемых. Гипотеза о КС как части речи имеет динамический характер, а подход Ю.Д. Апресяна с выделением дистрибутивного синтаксического признака имеет статический характер. Прогресс в лексикографии едва ли является поводом для игнорирования других аспектов существования языка.

Словообразовательные процессы, приводящие к появлению предикативных форм на *-о*, обсуждались в русском языкознании задолго до выдвижения гипотезы о КС. Почти все слова, способные формировать в русском языке сказуемое односоставного предложения, исторически восходят к форме имен-вин. ср. р. кратких прилагательных. Предметом спора остаются два вопроса, первый из которых был поднят А.В. Поповым, А.А. Шахматовым и А.М. Пешковским, а второй - Д.Н. Овсяннико-Куликовским и Л.В. Щербой:

- сохраняют ли на синхронном уровне несогласуемые именные сказуемые на *-о* отнесенность к парадигме прилагательного или они являются особым разрядом наречий?

- представляют ли предикативные наречия на *-о* и наречия образа действия на *-о* разные группы слов или разные употребления одних и тех же слов?

Большинство языковедов конца XIX - начала XX вв. (нетипична в этом плане позиция А.В. Попова) квалифицировало формы на *-о* как наречия, что

¹⁸ Тезис о вхождении кратких прилагательных и страдательных причастий в состав КС отвергается, в частности, в [Поспелов 1955:57, РЯ 1989: 520]. С другой стороны, "Грамматика 1970" не столь категорична: "семантика предикативов - характерное для них значение состояния - сближает их с краткими формами прилагательных и с краткими страдательными причастиями". [Грамматика 1970: 309].

¹⁹ Ср. вывод Ю.Д. Апресяна: "Как же объяснить тот факт, что концепция категории состояния оказалась столь живучей в русской грамматической традиции? Объяснение этому надо искать в том обстоятельстве, что в эпоху, когда складывалось понятие категории состояния, единственным способом мыслить общность синтаксических свойств слов, охватывающих крупные классы, было отнесение их к одной и той же части речи".

можно объяснить господствовавшими в то время грамматическими воззрениями: неизменяемые слова, выражающие "признак без соотнесенности с предметом"²⁰, обычно трактовались как наречия. Само решение отнести предикативы на *-о* к разряду наречий вряд ли вызвало бы полемику, если бы оно строго обосновывалось требованиями систематики и не сопровождалось выдвиганием спорных аргументов. Так, например, А.М. Пешковский заключал, что предикативы на *-о* необходимо считать наречиями, "потому что особой формы с потерей согласования наподобие безличных глаголов у прилагательных нет" [Пешковский 1938: 326]. Это дало повод для критики В.В. Виноградова [Виноградов 1947: 412], который указал на противоречие между данным и другими выводами А.М.Пешковского: последний в других местах своего труда подчеркивал, что в разговорном русском языке выходят из употребления как раз согласуемые формы кратких прилагательных - *это животное противно* (книжн.) → *это животное противное* (разг.) [Пешковский 1938: 160]²¹. Таким образом, отнесение предикативов на *-о* к парадигме прилагательного логически оправдано именно при условии, что для них постулируется *особая* деривационная форма. Что касается истории становления показателя *-о* (ср. р. ед.ч.) в качестве маркера безличного предложения, то здесь уместно напомнить, что данный маркер на несколько веков раньше утвердился в именных схемах с прилагательными и страдательными причастиями на *-но*), нежели в формах прошедшего времени на *-л*: конструкции первого типа (*страшно, любо, слышно, разрешено*) продуктивны уже в эпоху древнейших славянских памятников [Георгиева 1969: 77, 88], в то время как конструкции второго типа (*рассвело, пронесло, не повезло*) засвидетельствованы в русском языке только с XVI в. [Борковский, Кузнецов 1963: 384]²².

В.В.Виноградов и особенно Н.С.Поспелов защищали тезис, что стадия предикативного наречия является первым этапом формирования КС как части речи [Виноградов 1947: 415, Поспелов 1955: 58]. По такой логике, процесс становления КС является двухступенчатым: вначале слова на *-о* возникают как

²⁰ Данная краткая формулировка принадлежит А.Б.Шапиро [Шапиро 1955: 53]. В русле той же традиции находится определение наречия в "Грамматике 1970" как части речи, "обозначающей признак действия, качества или предмета без специального формального указания на отнесенность признака к действию, качеству или предмету" [Грамматика 1970: 309]. Последняя формулировка представляется не совсем удачной, поскольку она создает иллюзию, что любое наречие относится к содержанию высказывания в целом, а не к отдельным его составляющим, что неверно по отношению к наречиям образа действия и наречиям при словах, выражающих градуированный признак, ср. *затем он очень медленно поставил подсвечник на стол*, где интенсификатор *очень* принадлежит составляющей *очень медленно*, а наречие образа действия *медленно* относится к группе сказуемого ≅ действие "**ставить подсвечник**" было осуществлено *X-ом медленно*. Более нейтральное определение предлагает [РЯ 1989: 514]: "наречия - это такие неизменяемые полнзначные слова, которые способны называть признак действия или признак признака".

²¹ Вытеснение кратких прилагательных является общей тенденцией развития славянских языков, причем в других языках она зашла гораздо дальше, чем в русском [ZatovkaAuk 1965:26]. В русском языке краткую форму нельзя заменить на полную, в частности, в том случае, когда она имеет при себе управляемые слова: *он горд своим успехом* ≠ **он гордый своим успехом, он ходит гордый, что Р.*

²² Становление глагольной конструкции с формой на *-ло* в истории русского языка естественно отнести к эпохе исчезновения аориста и имперфекта и превращения старых причастий на *-л* из именных форм в формы прошедшего времени. При этом конструкции с формами ср. р. кратких прилагательных и страдательных причастий могли послужить образцом для оформления глагольных словоформ в односоставном предложении.

прилагательные, затем становятся наречиями, а в итоге превращаются в КС. Поскольку последнее звено поддерживается лишь убеждением, что КС является частью речи, необходимо проверить и первую часть данной схемы. Русский язык, как правило, сохраняет качественные прилагательные, от которых образованы предикативы на *-о*, поэтому полезно сопоставить лексические значения обычных согласуемых форм этих прилагательных со значениями, присущими тем формам на *-о*, которые специализируются в функции сказуемого односоставного предложения. Ограничим рассмотрение теми предикативами, которые совместимы с дат.п. лица; для краткости изложения сведем воедино случаи сильной (ср. *мне грустно уезжать* → *мне грустно*) и слабой (ср. *ему затруднительно выходить из дому* → **ему затруднительно*) валентности на дат.п. Именно к этому разряду предикативов в наибольшей мере применима формулировка Т.В.Булыгиной и О.Н. Селиверстовой о неспособности предикатов состояния "сочетаться с родовыми терминами". Тест на сочетаемость с дат.п. ценен также тем, что он позволяет отсеять как обозначения свойств природы и окружающей среды *мне солнечно, *ему пыльно, так и оценочные слова, выражающие признак, имеющий одинаковое значение для всех субъектов - невозможность *мне аморально, *ему алогично свидетельствует о том, что если некоторый поступок квалифицируется как *алогичный* или *аморальный* кем-то одним, он с точки зрения языка должен оцениваться точно так же и всеми другими. Напротив, предикативы, открывающие валентность на дат.п., выражают только такие характеристики ситуации, которые релятивизированы: если *X-у* в данной ситуации *весело*, это не значит, что *У-у* в той же ситуации не может быть *грустно*.

Способность иметь безличный дериват на *-о*, ориентированный на дательное предложение, служит тестом, разбивающим основы русских прилагательных на два класса. К одному относятся амбивалентные основы, которые могут выражать как постоянный/переменный признак предмета либо лица, так и локализованное во времени свойство единичной ситуации: *противные манеры* → *X-у противно*. Ко второму классу относятся основы, которые можно назвать актантно поляризованными. Сюда входят не только относительные и притяжательные прилагательные - *медный*, *электронный*, *трехканальный*, *деривационный*, *отцовский*, *сукин*, но также и значительная часть качественных - *жалостливый*, *упитанный*, *заковыристый*, *плечистый*, *бесспорный* (*мне бесспорно). Различение амбивалентных и актантно поляризованных основ поддерживается противопоставлением синтаксических моделей. Существует запрет на образование деривата от прилагательных, обозначающие активные свойства субъекта: *мне бешено, *злобно*, *буйно*, *гневно*; соответствующие лексические значения реализуются при помощи глагольной модели $N_{acc/dat} - V_{imp}$: *меня бесит*, *злит*, *раздражает*, *что Р*. При закреплении в узусе новых предикативов на *-о* происходит перераспределение производящих основ по классам, ср. *слабѐ*, *жирно*, *лениво*: такие предикативы кажутся представителям старшего поколения неправильными не из-за того, что они употребляют слова *жирно* или *лениво* как наречия, а из-за того, что прилагательные *слабый* (*характер*), *жирный* (*живот*, *творог*), *ленивый* (*студент*) ассоциируются в их норме с твердо определенным набором носителей признака. Напротив, словообразовательные пары, где как прилагательное, так и предикатив входят в основной словарной фонд языка, не дают оснований сомневаться в тождестве предметного значения и постулировать ad hoc для слов типа (*ему*) *грустно*, *весело* какие-то особые приращения по

сравнению со словами *грустная, веселая (улыбка)* или (*он сидит*) *грустный, веселый*: сочетаемостные ограничения и оценочные смыслы привносятся самими моделями фразы, где реализуются словоформы обеих типов.

Сторонники Щербы особое внимание уделили единичным случаям, когда производящее прилагательное исчезает, а предикатив на *-о* остается - *стыдно, совестно, боязно, тошненько* (**стыдный, *совестный*); неупотребительно также прилагательное [?]*зябкий* при *мне зябка*. Словари, фиксирующие некоторые из данных прилагательных в качестве архаизмов, свидетельствуют, что здесь имело место не развитие новых значений, а спецификация именных основ в разных контекстах при помощи разных аффиксов (ср. нормативные прилагательные *совестливый, боязливый, стыдливый, тошнотворный*): выход из употребления слов типа *совестный* частично объясняется наличием у них близких синонимов, частично - утратой тех реалий, с которыми были связаны их устойчивые употребления, ср. термин *совестный суд* "суд, где тяжба решается по внутреннему убеждению судьи" [У]. К случаям нарушения соответствия между производящей основой и дериватом можно отнести также пары, где предикатив отличается от согласуемого краткого прилагательного ср.р. местом ударения: *его выступление слѣбо* vs *ему слабѐ*, *его положение завѣдно* (= "ему завидуют") vs *ему зѣвидно* (= "он завидует")²³.

Полученные результаты удобно представить с помощью таблицы. В парах из левого столбца лексическое значение не меняется (1.1.); возможно образование новых предикативов от адъективных форм, синонимичных формам из (1.1.) в некоторых контекстах, ср. *у него скверное положение: ему скверно, у него паршивое положение: ему паршиво* (1.2.) В центральном столбце помещены актантно поляризованные основы (2.1.), от которых можно образовать предикатив только при изменении значения (2.2.). В правом столбце помещены случаи формального обособления производных основ - либо путем утраты производящих (3.1.), либо путем сдвига ударения (3.2.); изменения лексического значения прослеживаются в (3.2.), но не в (3.1.).

1.1. Скверный → скверно Adj.∅, -а, -о, -ы = {скверен, скверна, скверно, скверны}	2.1. гневный ∄ *мне гневно	3.1.*стыдный → стыдно
1.2. паршивый → ему сейчас паршиво	2.2. жирный творог → ему жирно	3.2. слѣбый → слабѐ ему

Другой аспект проблемы состоит в пропорции между предикативами и коррелятивными наречиями на *-о*. Здесь важно уточнить объем последнего тер-

²³ А.М.Пешковский приводит пример *его поведение слишком вѣльно - вольнѐ ему* и сопоставляя его с акцентными парами *он ест мѣло - это животное малѐ, это здание вѣдно (прил. ср.р.) - это здание (этот дом) виднѐ (предикатив)*, заключает что "различать надо т р и категории (прилагательное, наречие и безлично-предикативный член)" [Пешковский 1938: 328]. К сожалению, трех рубрик недостаточно, так как несогласуемые предикативные формы сами могут различаться местом ударения, ср. *книг там полнѐ* (= "много, достаточно") и *пѣлно тебе дурака валять* (= "кончай валять дурака"). В современной московской норме отмеченное Пешковским разграничение *вѣдно (прил. ср.р.)* vs *виднѐ и нѣжно (прил. ср.р.)* vs *нужнѐ* [Пешковский 1938: 159] больше не является живым.

мина: сводной рубрике "качественные наречия", выделяемой в "Грамматике 1970" и "Грамматике 1980", в европейской лингвистике соответствует различение двух разрядов - синтаксических наречий (sentence adverbials, sentence modifiers) и наречий образа действия (verb adverbials, predicate modifiers): первые относятся к содержанию высказывания в целом, вторые принадлежат глагольной группе и уточняют способ протекания действия или процесса²⁴. Для описания контекстов, где реализуются первые, М.В. Филипенко предлагает парафразу "ТО, ЧТО *P* было *x*", для контекстов, где реализуются вторые, - парафразу "ТО, КАК *P*, было *x*", ср. а) *Он намеренно оставил вас в одиночестве* = "то, что он оставил вас в одиночестве, было намеренным" и б) *Маша красиво танцевала* = "то, как Маша танцевала, было красиво" [Филипенко 1996: 386-387]. Наречия *намеренно* и *красиво* специализированы в синтаксическом и несинтаксическом употреблении соответственно. В то же время, большинство русских синтаксических наречий, по данным М.В. Филипенко, имеет и несинтаксические употребления²⁵: то же является нормой и для многих других европейских языков. Предикативное употребление наречий - ср. *ему жутко* при таком подходе разумно отнести к синтаксическим, а использование наречий в функции градуаторов - ср. *он жутко много пьет* - к несинтаксическим.

Проведенный нами анализ показал, что приблизительно из 160 предикативов на *-о*, имеющих валентность на дат.п., коррелятивные наречия на *-о* есть у более чем половины форм. У прочих либо вообще нет однокоренного наречия - *душно, дремотно, неповадно, нужно*, либо оно образуется в литературной норме иным способом - **X стыдно потупился* → *X стыдливо потупился*, **X нетрудно занял первое место* → *X без труда занял первое место*. А.М.Пешковский утверждал, что коррелятивные наречия и предикативы на *-о* всегда имеют разные значения [Пешковский 1938: 160]; это иллюзия - из 85 пар коррелятивных наречий и предикативов на *-о* несоответствие значений может быть установлено лишь в 13 случаях, два из которых указал сам Пешковский:

(А) *Мне холодно* : *он холодно отнесся ко мне*. Соотношение данного типа может быть обобщено в виде формулы "Предикативы физиологической реакции → наречия психической реакции"; под нее подводятся также *горячо приветствовал, тепло попрощался, прохладно принял*. Ср. также *ему колко* : *он колко заметил* (= отпустил колкие, т.е. ехидные замечания).

(Б) *ему неловко танцевать с нею* (моральная оценка) → *он неловко танцует* (физическая ловкость при выполнении действия отсутствует). Такие же контексты создает слово *неудобно*.

Еще два регулярных соотношения могут быть описаны как:

(В) "дурное физическое состояние → несоответствие стандарту"

ему стало дурно (плохо) → *он дурно (плохо) поет, она одевается дурно*

²⁴ Обзор литературы см. в [Koktov< 1986: 2, Филипенко 1996: 386]. Автор благодарит М.В.Филипенко за возможность обсудить с ней данный фрагмент работы.

²⁵ М.В.Филипенко иллюстрирует данный тезис поведением наречия *благоразумно*: *Он благоразумно промолчал* = "то, что он промолчал было благоразумно" - синтаксическое употребление *Он ответил благоразумно* = "то, как он отвечал, было благоразумно" - несинтаксическое употребление.

(Г) "обозначения ощущений слова → слова проявления аффекта или физиологической реакции"²⁶ -

X- у горько, кисло, сладко : X горько скривился, кисло воспринял, сладко зевнул; ср. также пресно рассуждал, остро сыграл.

Употребление основной массы коррелятивных наречий и предикативов на -о свидетельствует не о различиях в их лексическом значении, а о синтаксических преобразованиях, связывающих те контексты, где данные слова на -о используются литературным языком. При этом в ситуациях, описываемых наречиями на -о, может быть выявлен субъект состояния, который обычно не совпадает с производителем действия: *он больно бьет = X бьет так, что Y-у становится больно; он интересно рассказывает = X рассказывает так, что его интересно слушать; он мерзко поет = X поет так, что вызывает раздражение у окружающих, которым становится мерзко; X обидно ошибся = Y-у обидно, что X ошибся.* Во многих случаях допускается и парафраза с прилагательным: *пение X-а было мерзким, рассказ X-а был интересным, ошибка X-а была обидной, но удар X-а был *больным → болезненным.* Подобные преобразования вряд ли могли быть столь регулярными, если бы между производящими прилагательными, предикативами и коррелятивными наречиями на -о имелись бы существенные различия в предметном значении.

Большая часть наречий на -о, коррелятивных предикативам, относится к числу наречий образа действия; отдельные могут использоваться также в функции градуаторов - ср., с одной стороны, *он жутко ощерился*, с другой - *он жутко торопится*. Для наречий *много, мало, достаточно* и *довольно* 'хватает' функция градуаторов является единственной. Сентенциальные употребления для рассматриваемой группы менее характерны, ср. однако, *он досадно/ обидно ошибся, он странно/чудно повел себя, он выглядит непривычно*. Реализации последнего типа занимают промежуточное положение между предикативными конструкциями и конструкциями с наречиями образа действия, что особенно хорошо видно по маргинальным примерам, находящимся на грани приемлемого: *боксер опасно идет вперед головой* = "то, что X идет вперед головой, опасно (для его противника)", *борщ сомнительно пахнет* = "то, что борщ так пахнет, вызывает сомнения у X-а", *он неприлично опаздывает*, = "со стороны X-а неприлично опаздывать/ то, что X опаздывает - неприлично".

Из рассмотренного материала можно сделать вывод, что постулирование омонимии предикативов и наречий на -о основывается не на изучении их лексической семантики, а на программных посылках. Употребление большинства предикативов и наречий образа действия объединяется системой парафраз и не дает почвы даже для выделения разных лексико-синтаксических вариантов. В плане синтаксической типологии ситуация с коррелятивными русскими наречиями и предикативами напоминает мену диатез в глагольных высказываниях²⁷, так как актант, выступающий в роли субъекта состояния в конструкции с пре-

²⁶ Следует уточнить, что предикативные употребления слов вкусовых ощущений X-у *кисло, сладко, горько* тоже неоднозначны: данные высказывания могут пониматься как в физиологическом плане, так и метафорически. То же самое относится к некоторым другим предикативам, формирующим дативное предложение - *мутно, смутно, муторно*.

²⁷ К сходным выводам приходит М.В.Филипенко (устное сообщение). О понятии "диатезы" см. прежде всего монографию "Категория Залога 1970" и другие исследования, инициированные А.А.Холодовичем.

дикативом, получает в конструкциях с наречием образа действия иные семантические роли - пациенса, адресата, наблюдателя и т.п.

Тезис о том, что предикативное употребление слов на *-о* вторично по отношению непредикативному и, *mutatis mutandis*, идеи о том, что предикативы суть "дериваты" обычных наречий и что значение первых "сложнее" значения вторых, - ошибочны. В словообразовательной перспективе предикативы и наречия на *-о* одинаково близки производящим основам прилагательных; для основ, дающих безличные предикативы, удастся показать, что они составляют некоторый семантический класс. С позиций синтаксического описания коррелятивных слов на *-о* удобно в качестве базового контекста избрать реализации предикативов - *ему обидно*, а контексты, где реализуются адъективные и наречные формы - *он обидно ошибся*, *обидная ошибка* - считать производными, хотя возможны и другие решения.

В наибольшей мере тому теоретическому конструкту, каким является понятие КС, соответствует разряд производных слов на *-о*, имеющих валентность на дат.п. лица: данный разряд является наиболее крупным, он гомогенен по составу и объединяет слова, по своему лексическому значению указывающие на одушевленного субъекта - носителя ситуативного признака. Свое место в нем получают предикаты субстантивного происхождения - *жаль*, *пора*, *невозмогу*, *надо* и т.д.,²⁸ многие из которых имеют морфологические варианты и близкие синонимы среди деадъективных форм. Вряд ли случайно, что все примеры утраты производящей основы - *стыдно*, *боязно*, *невозмогу* и т.п. - приходятся именно на описания состояний человека, а не на ситуативные слова, специализированные в функции обозначений природы или среды - *солнечно*, *пыльно* - или в функции оценки - *возмутительно*, *общеизвестно*²⁹. Не будет преувеличением сказать, что почти любое состояние физиологии или психики, ограниченное рамками текущей ситуации, может быть выражено в русском языке при помощи дативной конструкции с предикативом³⁰. Пожалуй, именно полнота охвата данной предметной области является наиболее своеобразной чертой русского языка в плане реализации неглагольных предикатов состояния. Последователи Л.В.Щербы, на наш взгляд, верно расценили функциональную эквивалентность изолированных слов типа *надо*, *жаль* и продуктивных форм типа *весело*, *грустно*, как признак взаимопроникновения грамматики и словаря, но сделали отсюда явно односторонние выводы. В.В.Виноградов, А.В.Исаченко и Н.С.Поспелов нарисовали романтическую картину, согласно которой формы типа *стыдно*, *жаль*, *невозмогу*, окончательно отрывающиеся от парадигм именного словоизменения, обозначают конечный пункт эволюции, к которой со временем придут все слова типа *весело*, *грустно*. По меньшей мере столь же важен другой аспект проблемы: воспроизводство специализированных предикативных слов типа *жаль*, *невозмогу* поддерживается регулярным употреблением

²⁸ Также *нельзя*, *невозмогу*, *недосуг*, *невытерпел*, *невытерпел*, *поделом*, *охота*, *неохота*, *грех*, *лень*. У всех этих слов, как известно, коррелятивных наречий нет.

²⁹ Бессубъектные слова класса *пыльно*, *солнечно* обычно не имеют наречных коррелятов, за вычетом клишированных метафор типа *?она солнечно улыбнулась*. Напротив, львиная доля оценочных слов, лишенных валентности на дат.п. лица, имеют стандартные наречные употребления; ср., однако, *допустимо*, *ложно*, *безразлично*, *знаменательно*, *вероятно*, *маловероятно*, *немаловажно*, *немудрено*, *нереально*, *неудивительно*, *общеизвестно*, *почетно*, *примечательно*.

³⁰ По-видимому, сходную семантику имеют единичные цельноформленные предикативы, допускающиеся в двусоставном предложении - *Х навеселе*, *Х подшофе*, *Х начеку*.

форм кратких прилагательных имен.-вин п. ср.р. ед.ч. в функции сказуемого односоставного предложения. Данный процесс приводит к расширению группировки предикативов; вместе с тем, объем последней, вероятно, имеет верхнюю границу в 150-160 единиц, что косвенно подтверждается выделением в составе качественных прилагательных подкласса актантно поляризованных основ (*бешеный, злобный*), не дающих дериватов со значением ситуативного признака. В любом случае, окказиональные пути становления предикативов, при которых происходит развитие новых значений - *жирный творог* : *ему жирно* нельзя объявлять типичными и проецировать их, как это нередко делалось, на ядро группировки.

Приходится констатировать, что выдвижение гипотезы о КС намного опередило непредвзятое описание соответствующих областей русской грамматики. Вначале шла речь о том, что КС - новая часть речи, затем о том, что предикативы - особые слова, омонимичные качественным наречиям, затем о том, что значения предикативных и непредикативных наречий не совпадают. Между тем фактических оснований для второго и третьего утверждений едва ли больше, чем для первого. С равным успехом можно было бы постулировать омонимию или несоответствие значений всех сентенциальных наречий наречиям образа действия: наличие у слова *грустно* реализаций *ему грустно* и *он грустно вздохнул* ничуть не более парадоксально, чем наличие у слова *благоразумно* реализаций *он благоразумно промолчал* и *он благоразумно отвечал*. Оба слова на -о являются парадигматическими дериватами прилагательных *грустный/грустен* и *благоразумный/благоразумен* и имеют предикатные употребления в схемах с нарушением согласования: у формы *грустно* в их число входит дативно-безличное предложение, у формы *благоразумно* их набор ограничен конструкциями с инфинитивом и придаточным, ср. *Согласиться - благоразумно*. При этом в целом ряде контекстов формы на -о и падежные формы прилагательных эквивалентны - *было бы благоразумно* и *было бы благоразумным (делом) промолчать* [Грамматика 1970: 587-588], ср. также *наверно, ему грустно* и *он выглядит грустным*. Тем самым, давний тезис А.В. Попова о том, что предикативы на -о являются особыми словообразовательными формами кратких прилагательных, несмотря на возражения В.В.Виноградова и сомнения А.М.Пешковского, остается вполне приемлемым.³¹ Было бы естественно/естественным сопоставить широкое распространение предикативов, образованных от прилагательных со значениями ощущений (*колко*), психической реакции (*противно*) и нормативной оценки (*неприлично*) с сокращением употребления кратких форм в пользу полных и с изменением дистрибуции глагольных и связочных схем односоставных высказываний (ср. *меня злит* : **мне злобно*), но как раз эти проблемы обсуждались в дискуссии о КС меньше всего.

Таким образом, на первые два из поставленных в начале статьи вопроса следует ответить отрицательно: (i) В русском языке не происходит формирования новой части речи; (ii) постулированный Щербой механизм формирования КС недостоверен; уровень обособления слов, подводимых под КС в современ-

³¹ De facto с этим соглашается и А.А. Зализняк, который в своём "Грамматическом словаре" просто не отмечает часть производных наречий и предикативов на -о (такие слова как *солнечно, пыльно, дремотно, несподручно, забавно* и т.п.; всего, по нашим подсчетам, могло быть добавлено около сотни предикативов), фиксируя соответствующие прилагательные. Правда, критерии, по которым одна производная форма на -о включается в словарь, а другая нет, видимо, все же стоило оговорить специально.

ном русском языке, не дает права строить эволюционную шкалу, конечным пунктом которой является консолидация предикативов как единого дистрибутивного класса с инвариантной семантикой. На этом можно было бы поставить точку и опустить третий вопрос *salva ignorantia*, если бы в нашем распоряжении не было неожиданной параллели между формами КС и фактами другого европейского языка. Рассмотрением этой параллели мы и закончим статью.

В конце 1980-х гг. автор этих строк исследовал синтаксис древнеисландского языка, древнейшие памятники которого датируются XIII в., но обычно считаются архаичными, поскольку они продолжают устную литературную традицию предшествующих веков. Материал давал основание полагать, что в языке произошло значительное расширение сферы связочных высказываний, причем в роли именного сказуемого односоставного и двусоставного предложений выступали несогласуемые формы слов самых разных классов - прилагательные и наречия различной морфологии, причастия наст. и прош. вр., падежные формы существительных, а также устойчивые сочетания. Исходя в основном из спекулятивных соображений, а также из требований реконструкции³², автор сделал вывод, что присвязочная позиция в структурах определенного типа осмысливается как позиция предикатива, КС, и что такое положение является инновацией. Уже после этого выяснилось, что многие из слов, заполняющих данную позицию, действительно являются словами КС в щербовском смысле, поскольку у них нет непредикативных употреблений или непредикативных коррелятов среди прилагательных и существительных. Сплошная выборка на всем корпусе текстов древнеисландской прозы (памятники XIII -XV вв.) показала, что таких слов не менее нескольких сотен, однако существующие словари их практически не фиксируют, создавая для них фиктивные формы имен. п. м.р.³³. Последнее тем более странно, что древнеисландский относят к классическим языкам германиста, а объем и разнообразие его памятников не дают оснований сомневаться в репрезентативности материала. Оправившись от шока, вызванного сделанным открытием и злокозненностью лексикографов, автор решил сравнить древнеисландские предикативы со славянскими³⁴.

³² Эмпирические основания и аргументация рассуждения приводятся в нашей статье [Zimmerling 1992]. Данная статья была написана в конце 1980-х гг., но по техническим причинам вышла позже.

³³ Исключение составляет словарь В. Бэтке [Baetke 1965], где часть предикативов учитывается под рубриками *прил. ср.р., наречие, несклоняемое прил.*. Однако не все слова, имеющие такие пометы в словаре Бэтке, являются предикативами.

³⁴ Древнеисландский язык в морфосинтаксическом плане довольно близок как современному русскому, так и старославянскому и древнерусскому, с которыми он сосуществует во времени. Подробное представление о его грамматике можно получить из работ [Heusler 1913, Стеблин-Каменский 1955], здесь кратко укажем релевантные для проблематики КС черты. В системе имени и местоимения различаются 3 рода и 4 падежа - имен., род., дат., вин.; в парадигмах имени и глагола различается ед. и мн.ч., у личных местоимений имеется также двойственное число. Глагольные окончания передают граммы лица, числа, времени и наклонения. Имеются две серии прилагательных - т.н. сильные (предикативные) и т.н. слабые, используемые в атрибутивной функции и обычно употребляющиеся вместе с определенным артиклем; большинство прилагательных может иметь окончания обеих серий. Производные качественные наречия строятся как при помощи суффиксации, так и на основе застывших форм косвенных падежей; весьма продуктивным является использование формы имен.-вин. п. ср. р. сильных прилагательных в функции наречия. Как и в других германских языках, особого предикативного падежа нет. Большую роль играют аналитические конструкции с неличными формами глагола - перфект с глаголом *hafa* "иметь", пассив с согласуемым причастием прош. вр. и т.д., а также аналитиче-

Морфология древнеисландских предикативов позволяет разбить их на три класса. Наиболее обширный класс - слова с финалью - *t* строится по типу прилагательных т.н. сильного склонения в форме имен.-вин.п. ср. р. ед. ч. и насчитывает несколько сот форм. Среди них преобладают композиты и слова с суффиксами -*mikit*, -*f<tt*, -*laust*, -*samt*: <hyggjumikit “озабоченно” r<xf<tt “нет мыслей”, букв. “*скудномысленно”, svefnsamt “(делается) сонно”; также -*ult*, -*alt*; stopalt “скверно”, bimbult “муторно”; префиксами \-, rr -, auz-, vand-, tor- : rrvFnt “безнадежно”, torfynt “трудно найти”. Встречаются и симплексы: annt “много работы”, букв. “занято”, (ekki) fritt “не мирно” = есть опасность вооруженного нападения”.

Второй класс представлен префиксальными словами, в качестве второго компонента которых выступает "супин" (несогласуемая форма причастия прош. врем.) от реально существующих глагольных основ: auxfengit “*легкодоступно” (f< “получать”, *auxf<), huggleikit “замышлено” (*huggleika, mJr lJk hugr “у меня созрел замысел”), \lRat “не дожито” (*lifa, lifa “жить”). По своему значению такие слова сопоставимы с целыми высказываниями, в которых значение глагола проясняется зависящими от него элементами: honum kom *i hug* “X-у пришло на ум” → honum var hugkvFnt букв. “*X-у было наумвходно”. Общее число предикативов, строящихся по типу супина, составляет около ста слов. Следует указать, что супин почти всех глаголов имеет финаль - *t*, тем самым в древнеисландскую эпоху большая часть предикативов получает общий формальный признак.

Третий класс образуют слова с гласной финалью - *a/- i* (тип слабого прилагательного или *n*-основного существительного): hugsí “задумчив, молчалив”, zrotg<xa “немощен, инвалид”, rrbjarga “беспомощен”, sundrog<xa “несогласен, груб”. Обозначение морфологического типа дается условно, так как термин “слабые прилагательные” зарезервирован в исландской грамматике за атрибутивными формами [Heusler 1913: 133]. Разряд насчитывает порядка 200 слов. Преобладают композиты и аффиксальные слова, симплексы редки, ср. однако, bFna “отзывчив” (к сущ. bFn “просьба, мольба”), bogxi “заносчив”, букв. “с большим бортом” (к сущ. bogx “доска, стол, борт”). В отличие от предикативов предыдущих двух классов, предикативы с гласной финалью почти всегда реализуются в двусоставном предложении.

Финали - *t* и - *a/- i* можно считать маркерами предикативов, омонимичными соответствующим показателям согласования. Как и русское -*о*, данные маркеры синтаксически неоднозначны, поскольку существуют слова с финалями - *t* и - *a/- i*, которые специализируются в функции наречий - (fylkja) hamalt “выстраивать войско *клином*” или количественных слов - aleyxa fj<r “уйма денег”. Однако, в отличие от русского языка, предикативы на - *t* и - *a/- i* лишены наречных коррелятов: здесь предикативы и наречия - разные группы слов, а не разные употребления одного слова.

В истории исландского языка, как и в истории русского языка, устойчивое положение занимает дативно-безличное предложение. Оно имеет трехчастную структуру: дат.п. лица - связка - предикативный член. Слова с финалью - *t* и формы, строящиеся по типу супина, могут занимать в этой структуре присвя-

---

ские сочетания с инфинитивом и т.н. супином, выражающие модальные и аспектуальные значения. Широко распространены безличные высказывания; формальное подлежащее отсутствует.

зочную позицию: mJr er bimbult "мне муторно", mJr er hugleikit букв. "мне замышлено". Ту же позицию занимают обычные формы именного словоизменения, ср. kalt ср.р. ↔ kaldr "холодный", erfitt ср.р. ↔ erfíxtr "трудный, тягостный", что позволяет строить высказывания mJr er kalt "мне холодно", mJr er erfitt "мне трудно". На первый взгляд, подобные высказывания отличаются от своих русских переводов только присутствием связки "быть", но это впечатление обманчиво. Дело в том, что несогласуемые именные формы типа kalt "холодно" и специализированные предикативные слова типа bimbult "муторно" (нет *bimbull *"муторный") могут вводиться не только vera "быть", verða "становиться", но и рядом глаголов со значением "казаться" - zykkja, svnask, virxask, lRask, а также переходными глаголами знания, мышления и говорения, равно как группой переходных глаголов иной семантики - hafa "иметь", eiga "обладать, причитаться", f< "получать", geta "начинать, приступать", l<ta "допускать", "достигать", gera "делать", r<xa "решать", veita "оказывать", vinna "преодолевать", orka "действовать", duga "быть в состоянии". Конструкция предложения зависит от выбора глагола, ср. er kunnigt "известно" → mJr zykkir kunnigt букв. "мне кажется известно" → hann gerir kunnigt букв. "он делает известно". То же самое касается специализированных предикатных слов с финалью - t: для большинства из них засвидетельствованы как примеры типа honum var/ z\tti auxfengit *"*ему было/ показалось* легкораспознаваемо", так и примеры типа hann hafxi /gerxi/sagxi auxfengit *"*он имел /сделал/сказал* легкораспознаваемо". Тем самым, форма на -t, строго говоря, не является ни "безличной", ни "личной" - она употребляется везде, где допускаются синтагмы без согласования предиката со связкой.

Сочетаемость "исландских форм КС" с широким кругом глаголов ставит исследователя перед проблемой, которая имеет технический и концептуальный аспекты. Техническая сторона проблемы состоит в доказательстве того, что синтагмы типа gerxi/ sagxi auxfengit "сделал/сказал легкораспознаваемо" действительно являются предикативными: она решается в два этапа - путем демонстрации того, что слово auxfengit имеет статус трансформации фразы со значением "X легко может распознать нечто" - и путем обнаружения соответствующего пропозиционального смысла в контексте употребления - sagxi auxfengit "X сказал распознаваемо" = "X сказал, что Y может распознать нечто". Концептуальная сторона проблемы состоит в пересмотре концепции связки. Исландский материал заставляет решительно предпочесть точку зрения, согласно которой связка - не особая лексема (или список лексем), а синтаксическая функция, присущая глаголу как части речи в целом. Глаголы, вводящие предикативы, имеют и несвязочные употребления; с другой стороны, аффиксы неизменяемых слов обычно не позволяют идентифицировать их как наречия или предикативы вне контекста.³⁵ Тем самым статус наречия образа действия vs предикатива и глагола vs связки окончательно проясняется лишь в рамках конкретной предикатной синтагмы, т.е. на поверхностно-синтаксическом уровне. Ср. два примера с однотипными формами с суффиксом -liga:

А) Хозяин говорит работнику, что тот неспособен внятно рассказать о поездке: *Herfiliga segir zdfri< tRindum Aust 8, 12*

³⁵ К числу подлинных наречий, не употребляющихся предикативно, в древнескандинавскую эпоху можно отнести образования с суффиксами -s, -a, -r, -la [Falk, Торп 1900: 108, Стеблин-Каменский 1955: 80-81], однако продуктивность этих суффиксов мала - слова с ними составляют абсолютное меньшинство от общего числа форм, способных выступать в роли модификаторов глагола.

"*Мерзко рассказываешь ты о случившемся*" - форма на - *liga* выступает как наречие образа действия;

Б) Врач входит в дом и обращается к пациенту с предупреждением:

Sj< vil ek s<r zitt, zvRat mJr er \r*liga* sagt af zvRAust 19, 58

"Я хочу осмотреть твою рану, ибо мне *опасно* рассказано о ней", =" рассказано, что твоя рана опасна" - форма на - *liga* является предикативом;

Становление древнеисландских предикативов как разряда слов относится к эпохе, когда наречие как часть речи окончательно не сформировалось - именно этим объясняется амбивалентный статус производных слов типа *herfiliga* "мерзко". Что касается предикатных композитов с финалями - *t* и - *a/- i*, которые лишены наречных коррелятов, то почти все они изначально возникли в позиции сказуемого, и никогда не имели параллельных форм словоизменения.³⁶ В языке саг нет контекстов, допускающих использование атрибутивных оценочных слов типа *all-bros-*ligr* *"разулыбчивый", выражающих постоянные свойства объекта. В то же время предикатив all-bros-*lig-t* Aust 5, 350 "X пришел в хорошее настроение" букв. "X- у разулыбчиво", оказывается вполне к месту в качестве описания актуального положения дел.

Общим признаком предикатных композитов в плане содержания является то, что они являются словами ситуативного признака. Между предикативами с финалью - *t* и с гласной финалью четких семантических различий нет; к тому же более 50 первых компонентов повторяются в обеих группах композитов³⁷, а многие их вторые компоненты синонимичны³⁸. В XIII-XIV вв. производство предикативов представляло собой активно протекающий процесс. По всей вероятности, древний исландец мог при необходимости номинализовать любое предложение с помощью предикатива. Так, ситуация "где-либо много змей, опасно" воплощается как hJr er v*Ra* yrmt mj`k "здесь везде крайне *змейно*", а ситуация "на коне сидят двое" - как hestinum var tv*mennt* "коню *было двулюдно*" либо hestrinn haf*xi* tv*mennt* букв. "конь *имел двулюдно*". Открытость предикативов как лексической группировки говорит о том, что не все засвидетельствованные памятниками формы успели войти в основной словарный фонд языка. Некоторые отличаются высокой частотностью, как au*xit* "суждено", или grvFnt "безнадежно"³⁹, но другие представлены в корпусе текстов всего 1-2 раза; среди них велик процент синонимов. Такие формы можно считать окказионализмами, возникавшими в связочных структурах без согласования: идентификация потенциальных слов не представляла труда потому, что коммуниканты знали набор корней и аффиксов, повторяющихся в разных типах сложных слов с оценочной семантикой, но прежде всего потому, что такие слова не создавали новых синтаксических возможностей, а употреблялись лишь там, где допускались

³⁶ Альтернативный путь перехода в разряд предикативов за счет распада словоизменительной парадигмы прослеживается лишь для нескольких форм. В основном, это супины-симплексы - au*xit* "суждено", geimt "нечисто, появляются привидения", "es spuckt", zixit "растаявши", bilt "страшно, нашла робость"; также frit "надежно, нет опасности". Производящие основы данных слов в языке древнеисландской прозы утрачены.

³⁷ Наиболее продуктивны <, af-, al-, afl-, ein-, for-, full-, jafn-, \-, sam-, sundr-, sj<df-, van-, rr- .

³⁸ Так, высказывания honum var *afl-f<tt* fyrir e-m, hann var *afl-vana* fyrir e-m выражают один и тот же смысл "X-у не хватило сил в борьбе с кем-л.", варьируют лишь их формально-синтаксические характеристики: предикатив *afl-f<tt* реализуется в односоставной конструкции, а предикатив *afl-vana* - в двусоставной.

³⁹ К группе высокочастотных предикативов следует отнести, например, многочисленные слова, выступающие в уложениях общинного права в качестве юридических терминов.

несогласуемые именные предикаты, сохранявшие связь с парадигмой словоизменения. В этих условиях рассказчик саги мог в денотативной ситуации “Х-у трудно принять решение” однажды выразить смысл *“труднорешаемо”, построив композит *torfynt*, второй - построив композит *torfundit*, в третий - прибегнуть к формам ср. р. имевшихся прилагательных *tors\tr* или *torveldr*.

Таким образом, в древнеисландском есть две основные разновидности несогласуемых именных предикатных форм - (а) амбивалентные слова, дистрибуция которых приблизительно соответствует употреблению славянских производных наречий и (б) - предикатные композиты. Типологическая уникальность ситуации состоит в том, что древнейшие исландские памятники фиксируют вторую группировку в стадии становления. Это заставляет по новому взглянуть на высказывавшиеся в славистике гипотезы об этапах и перспективах развития КС. Было бы смешно рассчитывать, что концепция, разработанная на материале одного языка или группы языков, позволит описать все нюансы другого. Однако в данном случае внешнее сопоставление релевантно для оценки гипотезы о КС, так как последняя сама опирается на ряд допущений типологического плана.

Тенденции развития.

Исландские предикативы не обнаруживают тенденции к превращению в особую часть речи. Ни в одну из эпох предикативы не имеют единого морфологического признака; их финалы всегда омонимичны показателям словоизменения. Современный исландский язык сохраняет группировку слов, специализированных в функции именного сказуемого (о её составе дает некоторое представление словарь А. Бёдварссона⁴⁰), однако уровень их обособления не выше, чем в эпоху древнейших памятников. Анализ показал, что многие слова с финалью - *t*, выступавшие в древнеисландскую эпоху как предикативы, получили в современном языке формы согласования и достроили свою парадигму. Другие остались неизменяемыми, но перешли в разряд наречий или вводных слов - *auxvitaх* “конечно”, *efalaust* “несомненно”. Все слова с суффиксами -*liga*, -*laust* исключаются из предикативного употребления и осмысляются как качественные наречия. Резко сокращается круг глаголов, способных выступать в связочной функции - в двусоставном предложении их число практически ограничено *eiga* “обладать” и *l<ta* “позволять”: *eiga heimangengt*, *l<ta ummFlt* [В`xvarsson 1993:164, 561]. Многие сочетания переходных глаголов с именным словом на - *t* перешли из разряда свободных в разряд связанных сочетаний, синтаксических идиом, ср. *gera kunnigt* 1) “делать *известно*” → 2) “оповещать”, *gera vart* 1) “делать *настороже*” → “предупреждать”; нельзя сказать *geta kunnigt “осилить *известно*”, *veita vart “оказать *настороже*”. В целом, история исландского языка свидетельствует о возрастающей регламентации употребления предикативов: сокращается как набор синтаксических схем, где реализуются предикативы, так и число вводящих их глаголов.

Значение “состояния”.

Общей характеристикой славянских и древнеисландских предикативов является то, что они обозначают положения дел, локализованные во времени и имеющие четкие временные границы. В то же время предметная область, описываемая предикативами, может быть различной: для современного русского и древних славянских языков это, в основном, физиология и психика человека, а

⁴⁰ А.Бёдварссон использует словарные пометы [В - \beygjanlegt orx (несклоняемое слово) и Н - hvorugkyn (средний род) [В`xvarsson 1993]. Всего такие пометы имеют более 400 слов, большая часть которых может быть квалифицирована как предикативы.

также модальные оценки⁴¹, для древнеисландского это любые положения дел, представляющие субъекту-наблюдателю, ср. *vigli\st* "достаточно светло, чтобы вести бой", *framanv<tt* "волны захлестывают судно с носа". Вместе с тем, в древнеисландском, в отличие от русского, почти нет слов типа рус. *солнечно, пасмурно, ветрено, туманно, топко *мне, *для меня топко, пасмурно*, выражающих ситуативный признак, имеющий абсолютное значение для всех субъектов: в корпусе памятников нашлось немало примеров типа *zeir... fengu mj`k framanv<tt* Ф VI, 323 букв. "*они получили сильно зачерпнувши с носа*", где к предикативу, описывающему свойство ситуации, добавляется позиция одушевленного субъекта.⁴² Основой для типологического изучения семантики предикативов в разных языках могло бы стать выделение в их значении дескриптивного и оценочного компонентов; целесообразно разграничить разные типы оценки ситуации - как благоприятной/неблагоприятной для субъекта, нормативной/ненормативной и т.п. Такое описание создало бы почву для сопоставления предикативов, образованных от основ с разной лексической семантикой.

"Тяга" к безличности и поиски субъекта.

Категория состояния предполагает наличие субъекта - носителя состояния. На заре дискуссии о КС высказывалась и обратная точка зрения. Определив наречие как слово, обозначающее признак без соотнесенности с предметом, А.Б.Шапиро утверждал, что при предикативном употреблении наречий происходит "абсолютизация признака", если "характер...выражаемого наречием признака допускает отсутствие носителя"; отсюда делается вывод, что безличное построение является для предикативов естественным [Шапиро 1955: 53]⁴³. В данном рассуждении слова "предмет", "носитель" выражают разные смыслы: 1) согласуемый антецедент, 2) подлежащее в имен. п. и 3) семантический субъект. Тезис Шапиро справедлив в первом, тривиальном, смысле, ложен в третьем (в роли семантического субъекта выступает либо психика лица, либо ситуация в её временных границах - ср. рус. *сегодня пасмурно*), и не имеет универсального решения во втором - наличие словоформы имен. или дат.п. в высказывании с предикативом является формальной характеристикой синтаксического строя конкретного языка, которую не следует ни экстраполировать, ни фетишизировать. Так, в древнеисландском языке слово *sundrorxa* "X и Y повздорили" употреблялось в личном предложении - *zeir v<ru mj`k sundrorxa* "они были весьма повздоривши" St III, 189, а в современном исландском языке оно употребляется безлично - *zeim v<g mj`g sundrorxa* "им было весьма повздоривши". Выводы, которые можно отсюда извлечь, касаются тенденций развития грамматического строя: само значение предикатива осталось прежним.

⁴¹ По поводу семантической близости старославянских и древнерусских предикативов к русским формам КС высказывались разные точки зрения. По мнению А.В.Исаченко, свойственные словам КС оттенки значения, в частности, выражения "дифференцированной модальности" в эпоху первых славянских памятников еще не сложились [Исаченко 1955: 57, 62], а К.И. Ходова решительно утверждает, что "семантические разряды старославянских предикативов не отличаются в чем-либо существенном от современных русских" [Ходова 1980:239].

⁴² Возможно, данное различие русского и древнеисландского узуса обусловлено не только внутрисистемными причинами, но и неодинаковой степенью кодификации языка, ср. собранные в "Грамматике 1980" примеры окказионального употребления обозначений погоды или среды в роли характеристик состояния психики: На душе *снежно и холодно* (Герцен), А на душе *пустынно и неярко* (Солоухин) [Грамматика 1980: 705].

⁴³ Интересно, что с последней частью рассуждения солидаризуется и оппонент А.Б.Шапиро Н.С. Поспелов [Поспелов 1955: 57].

Наречия и предикативы.

В эпоху становления древнеисландских предикативов аффиксы производных наречий синтаксически неоднозначны. Сходная картина обнаруживается в первых славянских памятниках: известны как старославянские предикативы на - *ѣ*, -*ѣ*, так и наречия на -*о* [Георгиева 1969: 82, 86]⁴⁴. Поэтому из двух обсуждавшихся моделей деривации *наречие* → *предикатив* и *прилагательное* → *предикатив* при диахроническом подходе в данных случаях следует предпочесть вторую. Что касается слов типа стсл. *трѣбѣ* "нужно, необходимо", *неоудобѣ* "с трудом", несоотносимых с парадигмами прилагательных, то квалификация их как наречий [Георгиева 1969: 87] не заставляет считать предикативное употребление для них вторичным. Более того, судьба предикативов в историческую эпоху (ср. исландские слова на -*liga*, -*laust*, переходящие в классы наречий и вводных слов), побуждает всерьез проверить гипотезу, что и некоторые другие слова, в историческую эпоху ведущие себя как наречия или частицы, на более ранней стадии являлись предикативами.

В современном русском языке большинство производных наречий на -*о*, имеет как сентенциальные, так и несентенциальные употребления. Если перенести данные термины в ситуацию древнеисландского языка, окажется, что сентенциальное употребление практически равнозначно здесь предикативному, поскольку граница между глаголом и связкой лежит за пределами словаря, ср. выше пример *segja* *vr̥liga* *af s<ri* "опасно рассказывать о ране" = "рассказывать, что рана опасна".

Легкость, с которой в древнеисландском образуются предикативы разных лексических групп, обусловлена тем, что здесь, в отличие от русского языка, нет класса актантно поляризованных производящих основ, т.е. не действует запрет, блокирующий образование от некоторой основы деривата со значением ситуативного признака.⁴⁵

Связка.

Л.В.Щерба, В.В.Виноградов и А.В.Исаченко трактовали связку как особую словарную лексему, отличную от полнозначного глагола "быть". Данная точка зрения не была в русском языковедении единственной или общепринятой: альтернативный подход - связка есть синтаксическая функция, присущая глаголу как части речи в целом, но разным глаголам в разной степени - наиболее четко сформулировал А.И. Смирницкий [Смирницкий 1959: 372]. О теоретических достоинствах обоих подходов можно рассуждать долго. Здесь уместно сказать о том, что предпочтение, отданное авторами гипотезы о КС "словарной" концепции связи, сыграло негативную роль в осмыслении ими тенденций развития КС. В.В.Виноградов и А.В.Исаченко стремились доказать, что становление КС убыстряется при опущении связки, однако цена, заплаченная за это, оказалась слишком большой: 1) в угоду априорным соображениям был установлен непреодолимый барьер между конструкциями с материальной и эллиптической связкой *быть* в синхронном срезе одного языка, в разных временных срезах одного языка, в родственных славянских языках; 2) были исключены из рассмотрения

⁴⁴ То же самое отмечают для древнерусского и древнечешского языков.

⁴⁵ Впрочем, наблюдения за солецизмами в литературных произведениях русских писателей приводят к мысли, что данный запрет во многом является следствием давления нормы. И всем нам было хорошо, спокойно и *любовно* (Бунин); и от этого **того ради лишь имеютъ** мне тоже *гордо* было (Розов) - цит. по. [Грамматика 1980: 705].

предикативные синтагмы, вводимые глаголами, отличными от *быть*⁴⁶; 3) заранее исключалась возможность развития КС как лексической группировки в других языковых семьях [Исаченко 1955: 65].

В славянском ареале реализация слов КС упрощается благодаря возможности опущения связки, в германском - благодаря возможности употребления большого числа связок. Здесь нельзя не вспомнить эпизод из истории отечественной науки, перекидывающий мостик между славистикой и германистикой и показывающий, что великие идеи часто идут бок о бок с предрассудками. Синтагматическая концепция связки (связка - синтаксическая функция, присущая многим глаголам, в связочном сочетании глагольный и неглагольный компоненты одновременно идентифицируют друг друга) была впервые выдвинута А.А. Потебней, который опирался на материал древнерусского языка [Потебня 1958: 117-118]. Однако А.А.Потебня высказал данный тезис в мистифицирующей форме, увязав его с гораздо более частной проблемой исторического синтаксиса: каждый глагол, допуская в индоевропейском конструкторе с двойным имен. падежом, якобы был связкой. В 1940-е гг. глоттохронологическая концепция Потебни была успешно применена для анализа древнеисландского языка выдающимся германистом С.Д.Кацнельсоном; тем не менее С.Д.Кацнельсон считал нужным отмежеваться от понимания связки А.А. Потебней, поскольку критерий двойного имен. падежа оказался неприемлемым [Кацнельсон 1949: 339]. В противном случае С.Д.Кацнельсон, весьма вероятно, сумел бы обнаружить группировку предикативов в древнеисландском языке.

Историческая типология и синхронное описание.

С уверенностью можно сказать, что отсутствие контрастивных исследований нанесло урон как славистам, так и германистам. Первые были склонны фетишизировать поверхностно-синтаксические признаки высказываний, где реализуются славянские предикативы - опущение связки, безличное управление, валентность на инфинитивный оборот, вторые просто игнорировали наличие проблемы. Сам факт лакуны в описании одного из наиболее изученных индоевропейских языков представляется вопиющим. Впрочем, наблюдения за словарями и грамматиками скандинавских языков показывает, что их авторы не всегда столь невинны в плане знакомства с предикативами. Косвенно это подтверждают пометы "несклоняемое слово", "прил. ср. р." в словарях В.Бэтке и А.Бёдварссона, хотя надо признать, что они неоднозначны и сообщают читателю меньше, чем используемые в русской лексикографии пометы "в значении сказуемого" [У, О, МАС] или "предикатив" [Грамм.: 7, Апресян 1987: 50]. Лакуны в описании обусловлены не столько незнанием фактов, сколько концептуальным пробелом, не позволившим германистам объяснить отсутствие предикативных коррелятов у ряда производных слов как явление закономерное, оборачивается издержками в грамматическом описании. Так, М.Нюгор, автор наиболее подробной монографии о древнескандинавском синтаксисе, без каких-

⁴⁶ В древнейших славянских памятниках конструкция с КС и транзитивным глаголом не является редкостью: ср., например, стсл. *внѣждѣ овряштаахъ чудесно а жтрьждѣ страшно* Супр. 511, 21, "Х обнаружил (ощутил), что произошло чудо, но в душе (букв. изнутри) было страшно", аналогично - *дръжимо чюдьно* Супр. 511, 23, или древнерусские примеры из "Успенского сборника" - *шьдѣ же тоу авик посланы и оувѣдѣ извѣстно о нем* Усп. сб. 301 г. 21; *извѣсто ралесе разоумѣзоумѣли ксте яко хва рава ксмь* Усп. сб. 70 б. 21; и *да лица зряще и тѣ кте извѣсто* Усп. сб. 232 б. 26-27; *кльма ничто же недоужно творю* Усп. сб. 253 а. 1-2; Усп. сб. 283 а 12. Подобные примеры представляет полную структурную аналогию приводившимся выше исландским конструкциям с "транзитивными связками".

либо оговорок помещает сочетания переходных глаголов с предикативными словами на *-t* в рубрику "субстантивированное употребление прилагательных" [Nygaard 1906: 57-58], при этом случаи подлинной субстантивации - ср. *eta hvít* "есть постное", букв. "есть белое" никак не отделяются от синтагм с предикативом типа *eiga zungt* букв. "иметь тяжело" = "быть в тяжелом положении".

Наиболее крупные разряды предикативов в обеих семьях строятся по типу словоформ имен.-вин. п. ср.р. древней серии прилагательных (общеславянское **-o*, древнескандинавское **-t*). Признание особого класса именных словоформ, не выражающих категорию падежа и не занимающих места в актантажной структуре предложения, полезно в том отношении, что оно помогает разграничить связочные синтагмы и синтагмы с глагольно-объектной или субъектно-предикативной связью. Если для языков типа русского, древнеисландского и старославянского, где безличные конструкции стабильны, а порядок слов не является фиксированным, данная задача выглядит тривиальной, то в синтаксических системах, где на состав и порядок появления актантов накладываются более строгие ограничения, возникают трудности. К примеру, М.Барнз, исследующий близкородственный исландскому фарёрский язык, приходит в выводу, что предикативы типа *stuttligt* "забавно", *rimiligt* "уместно", играют в высказываниях вроде *at rimiligt hevxi verit* "было бы *уместно*" роль номинативного подлежащего (*sic!*) [Barnes 1986: 42].

Стандартные реакции славистов и германистов на проблему предикативов настолько несходны, что на ум приходит коллизия семиотического анекдота. Ученик спрашивает учителя, как правильно пишется некое табуированное слово. Педагог отвечает, что такого слова вообще не существует; ученик поражен - денотат есть, а слово отсутствует! Выдвижение гипотезы о КС в русистике предшествовало выяснению статуса слов КС в синхронии и диахронии: термин "категория состояния" существует, но что в точности он обозначает - часть речи, разряд слов или группу предикатных значений, ассоциированных не с конкретными лексемами, а с синтаксическими конструкциями - неизвестно. С другой стороны, поведение германистов убеждает: явление (предикативы) есть, но опознать его нельзя, поскольку *такого слова*, т.е. научной концепции, позволяющей оправдать его существование, нет.

Полемика о КС не заслуживала бы подробного анализа, если бы речь шла о второстепенных работах, где ставились схоластические вопросы. Широкою известностью концепции КС обеспечило то, что она была разработана выдающимися учеными и обсуждалась в одном ряду с магистральными проблемами грамматической теории - проблемой тождества слова и границ между словоизменением и словообразованием, проблемой классификации частей речи и таксономии предикатных значений, проблемой разграничения компетенции словаря и грамматики. Вместе с тем, обсуждение гипотезы о КС в рамках классификации частей речи не создало наилучших условий для описания самих предикативных слов: именно поэтому в работах ведущих языковедов оказалось так много ошибочных положений и полемических передержек, мотивированных логикой спора, а не структурой объекта.

Исходная формулировка гипотезы Щербы - "стремление русского языка иметь КС" [Щерба 1974: 91] потенциально носила типологический характер, но развертывание дискуссии привело к поиску "единой марки" гипотетической части речи: накопленные факты говорят о том, что это нереально, и что сама

задача поставлена неверно. Не раз звучали призывы как научной строгости, так и к концептуальному осмыслению на более широком материале. Хотя первые опыты поиска аналогов или истоков КС были в целом неубедительными, так как они основывались на презумпции, что в русском языке данный разряд уже стал частью речи, а за его пределами - еще нет, было бы неумным заканчивать обзор филиппикой против попыток решить спорные вопросы путем апелляции к диахронии и к данным других языков: ограничение рассмотрения фактами современного русского языка тоже не привело к вполне позитивному результату. По-прежнему отсутствует конвенция о составе и критериях выделения слов КС (предикативов), позиция "Грамматики 1970" и особенно "Грамматики 1980" представляет собой практический компромисс между конфликтующими точками зрения. Неслучайно полноценный словарь предикативов отсутствует - нет ясности в том, что должно быть предметом исчисления - лексемы или предикатные смыслы.

Настоящая статья не преследует цель выработать универсальное решение проблемы КС. Кажется, однако, что часть вопросов, поднятых Л.В.Щербой, находится в компетенции синтаксической и семантической типологии. Тезис о противопоставлении предикатов состояния предикатам вневременных свойств и предикатам процессуальных изменений (действиям и процессам) остается актуальным: большинство неизменяемых именных предикативов имеет значение слов ситуативного признака. Словообразовательные механизмы (словосложение, аффиксация, конверсия) соединяют предикативы с фразами, в которых реализуются однокоренные или родственные именные или глагольные слова с тем же вещественным значением. При этом возможны два основных варианта: 1) Номинативные компоненты смысла порождающего высказывания отражаются в виде валентностей предикатива - ср. рус. *веселый*, *веселый на душе → *весело на душе* 2) те же компоненты отражаются в виде морфем цельноформленного предикатива - ср. дрисл. *hugr* "душа, настроение" *huglJtt* букв. "душевесело", *huglJttr *"душевеселый".

За 70 лет споров вокруг КС не раз выражалось убеждение, что прогрессивная методология поможет окончательно освободиться от груза прошлого и отделить зерна от плевелов: такое убеждение выражали как энтузиасты КС, так и многие их противники.⁴⁷ Видимо, это иллюзия детерминистского мышления:

⁴⁷ Ср. например, заочную полемику акад. В.В.Виноградова с работами (а) проф. А.М.Пешковского и (б) акад. А.А.Шахматова:

(а) "Таким образом, А.М.Пешковским на живую нитку скрепляется средний род кратких имен прилагательных с наречием. Но большая часть противоречий и неясностей в анализе этих форм отпала бы, если бы он посмотрел на положение вещей с точки зрения категории состояния" (выделено нами - А.Ц.) [Виноградов 1947: 412].

(б) Это убеждение в способности любого наречия стать сказуемым *таит в себе много опасного* (выделено нами - А.Ц.). По-видимому, этот грамматический предрассудок покоится на смешении грамматических систем разных эпох, на переносе прошлых языковых отношений в современность" [Виноградов 1947: 414]. В более сдержанной форме ту же мысль высказывает П.Гард, который полагает, что "Чтобы назвать <слово *каково*> наречием, надо было бы придерживаться такого словоупотребления, которое *справедливо критикуется Л.В.Щербой*" (выделено нами - А.Ц.) [Гард 1985: 211].

В том же ключе акад. Ю.Д.Апресян порицает акад. В.В.Виноградова и его последователей: "...вывод о допустимой "личности" большинства рассматриваемых наречий (или кратких форм прилагательных) *становится неотвратимым*" (выделено нами - А.Ц.) [Апресян 1985: 305]... "Как же можно объяснить тот факт, что концепция категории состояния *оказалась столь живучей* в русской грамматической традиции?" (выделено нами - А.Ц.) [Апресян 1985: 308].

для решения одних задач целесообразно, к примеру, относить русские несогласуемые формы на *-o* типа *весело, грустно* или аналогичные исландские формы на *-t* к парадигме прилагательного, для решения других - трактовать их как наречия. Кроме того, прошлое не всегда легко отделить от будущего в том, что касается научных идей. Так, вызвавший (сами по себе справедливые) нарекания тезис о приобретении словами КС глагольных категорий не только является отголоском потебнианских идей о борьбе имени с глаголом в русской грамматике⁴⁸, но и предвещает, хотя и в смутной форме, вполне современное представление о локализованности предикатов состояния во времени - ср. [Селиверстова 1982: 92, 121]. Последний аспект весьма точно уловил негативно настроенный по отношению к концепции КС немецкий славист В.Шпербер, который отметил, что если в рассуждении Щербы заменить слово "глагол" словом "предикат", подход Щербы к делению слов на части речи будет весьма близок к принятому в некоторых вариантах порождающей грамматики. Конечный вывод Шпербера состоит в том, что теория КС есть цельное и непротиворечивое научное построение, которое можно принять, если принять аксиоматику его создателей; в противном случае её следует отвергнуть как эмпирически бесполезную [Sperber 1972, 408- 409]. Принцип дополнительности, образующий альтернативу детерминизму, должен, однако, использоваться для достижения новых обобщений, а не для подведения базы под поговорку "грамматика что дышло". Наш вывод скорее противоположен тому, к которому приходит Шпербер: концепция КС далека от законченности и логической непротиворечивости, но она нужна для изучения ряда проблем грамматики и типологии.

Список литературы

- Грам* - А.А.Зализняк. *Грамматический словарь русского языка*. М., 1977.
МАС - Словарь русского языка АН СССР в четырех томах. Под ред. А.П.Евгеньевой. ИРЯ АН СССР. М., ³1988.
Обр - *Обратный словарь русского языка*. Научные консультанты А.А.Зализняк, Р.В.Бахтурина, Е.М.Сморгунова. М., 1974.
О - С.И. Ожегов. Словарь русского языка. М., ⁶1964.
У - Д.Н. Ушаков. Толковый словарь русского языка. Т. IV М., 1940
Супр. - Супрасльская рукопись
Усп. сб. - Успенский сборник
Aust - Austfirxingas`gur. Qlendingas`gur, X bindi. Qlendingasagnadg<fan. Guxni J\ansson bj\ til prentunar. Reykjavik, 1953.

Мы ни к коей мере не ставим под сомнение фактическую содержательность всего того, что утверждают в цитируемых местах В.В.Виноградов, П.Гард и Ю.Д.Апресян (в ином случае к данным пассажирам не следовало привлекать внимания). Тем не менее трудно понять, почему сама мысль о том, чтобы назвать присвязочное слово наречием, или, напротив, постулировать омонимию неизменяемых слов в предикативной и непредикативной функции казалась участникам полемики столь ужасной.

⁴⁸ Впрочем, многие лингвисты не решились бы сказать, что потенциал этих идей окончательно исчерпан.

- Ф - Фlensk Fornrit. Nix Фlenska fornritaflag, Reykjavík.
- St - Sturlunga saga I-III. Guðni Jónsson bj\ til prentunar. Фlendingasaga-
gnadigfan. Reykjavík, 1981. Апресян 1985 - Апресян Ю.Д. Синтаксические при-
знаки лексем. // Russian Linguistics, Vol.9, N 2-3, 1985.
- Апресян 1987 - Апресян Ю.Д. Синтаксические признаки в модели языка.
// Вопросы Кибернетики: прикладные аспекты лингвистической теории. М.,
1987, 47-80.
- Болла, Палл, Папп 1975. - Болла К., Палл Э., Папп Ф. Курс современного
русского языка. Под редакцией Ф. Паппа. Budapest, 1975.
- Борковский В.И., Кузнецов П.С. Историческая грамматика русского язы-
ка. М., 1963.
- Булыгина 1982 - Булыгина Т.В. К построению типологии предикатов в
русском языке // Семантические типы предикатов, М., 1982, 7-85.
- Виноградов 1947 - Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое уче-
ние о слове. М.-Л., 1947.
- Волошина, Попова 1975 - Волошина С.А., Попова З.Д. Слова категории
состояния - эквиваленты глаголов // Русский язык в школе, 1975, № 6, 87-89.
- Гард 1985 - Гард П. Русское каково. // Новое в зарубежной лингвистике,
вып. XV, 1985, 204-214.
- Гаджиева, Иванчикова 1955 - Гаджиева Н.З. Иванчикова Е.А. Дискуссия
о частях речи // Вопросы языкознания, 1955, № 1.
- Георгиева 1969 - Георгиева В.Л. Безличные предложения по материалам
древнейших славянских памятников (особенно старославянских) // Slavia, 1969,
vol. 38, 63-90.
- Грамматика 1970 - Грамматика современного русского литературного
языка. М., Наука, 1970.
- Грамматика 1980 - Русская грамматика. АН СССР, том 1. М., Наука,
1982.
- Золотова 1982 - Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского син-
таксиса. М., 1982.
- Ильиш 1948 - Ильиш Б.А. Современный английский язык. М., 1948.
- Ильиш 1951 - Ильиш Б.А. О категории состояния в английском языке // Памяти академика Л.В.Щербы. Л., 1951, 175-181.
- Исаченко 1955 - Исаченко А.В. О возникновении и развитии "категории
состояния" в славянских языках // Вопросы языкознания, 1955, N 6.
- Кацнельсон 1949 - Кацнельсон С.Д. Историко-грамматические исследо-
вания, I. М.-Л., 1949.
- КЗ 1970 - Категория Залога. Л., 1970.
- Красных 1993 - Красных В. И. Русские глаголы и предикативы. Словарь
сочетаемости. М., Арсис Лингва, 1993.
- Лурье 1955 - Лурье С.Я. Неизменяемые слова в функции сказуемого в
индоевропейских языках. Львов, 1955.
- Маслов 1981 - Маслов Ю.С. Категория состояния в болгарском языке // Теория языка, методы его исследования и преподавания. К 100-летию со дня
рождения Льва Владимировича Щербы. Л., 1981, 172-177.
- Овсянко-Куликовский 1912 - Овсянко-Куликовский Д.Н. Синтаксис рус-
ского языка. Спб., 21912.
- Пешковский 1938 - Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном ос-
вещении. Изд. 6-е. М., 1938.

Попов 1881 - Попов А.В. Синтаксические исследования. Именительный, звательный и винительный в связи с историей развития заложных значений и безличных оборотом в санскрите, зенде, греческом, латинском, немецком, литовском, латышском и славянском наречиях. Воронеж, 1881.

Поспелов 1955 - Поспелов Н.С. В защиту категории состояния // Вопросы языкознания, 1955, № 2.

Потебня 1958 - Потебня А.А. Из записок по русской грамматике, т. I-II, М., 1958.

РЯ 1989 - Современный русский язык. Под редакцией В.А.Белошапковой. М., Высшая школа, 1989.

Селиверстова 1982 - Селиверстова О.Н. Второй вариант классификационной сетки и описание некоторых предикатных типов русского языка // Семантические типы предикатов, М., 1982, 86 -157.

Сергеева 1985 - Сергеева Ж.А. Еще раз о семантике слов на -о со значением состояния // Русский язык в школе, 1985, N 1.

Смирницкий 1959 - Смирницкий А.И. Морфология английского языка. М., 1959.

Стеблин-Каменский 1955 - Стеблин-Каменский М.И. Древнеисландский язык. М., 1955.

ТРК 1983 - Типология результативных конструкций. Л., 1983.

Шапиро 1955 - Шапиро А. Б. Есть ли в русском языке категория состояния как часть речи ? // Вопросы Языкознания, 1955, № 2.

Шахматов 1941 - Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. М., 1941.

Щерба 1974 - Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. М.,- Л., 1974.

Ходова 1980 - Ходова К.И. Простое предложение в старославянском языке. М., 1980.

Филипенко 1996 - Филипенко М.В. О сфере действия наречных модификаторов глагола. Московский лингвистический журнал, т. 2. М., РГГУ, 386-404.

Baetke 1965- Baetke W. W`rterbuch zur Altnordischen Prosaliteratur. Berlin, Bd. 1, 1965, Bd. 2, 1968.

B`xvarsson 1993 - B`xvarsson ; rni. Qlensk Orxab`k. Reykjav`k, M`l ok Menning, 1993.

Barnes 1986 - Barnes Michael P. Subject, Nominative and oblique Case in Faroese // Scripta Islandica. Isl`ndska s@lskapets D`sbok vol. 37, 1986.

Comrie 1976 - Comrie B. Aspect. L.-N.Y.-Melbourn, 1976.

Heusler 1913- Heusler A. Altisl`ndisches Elementarbuch. Heidelberg, 1913.

Koktov< 1986 - Koktov< E. Sentence advervials in a functional description. John Benjamins publishing, Amsterdam/Philadelphia, 1986.

Lyons 1977 - Lyons J. Semantics, vol. 1-2. Cambridge. L.-N.Y.-Melbourn. 1977 (repr. 1978).

Mirovicz 1974 - Mirovicz A. Uwagi w kwestii pochodzenia predikatywow // Rocznik s`awistyczny XXXV 1974, № 1.

Nygaard 1906 - Nygaard M. Norrrn Syntax, Kristiania, 1906.

Sperber 1972 - Sperber W. Ist die Zustandskategorie eine flr die Beschreibung der Grammatik slawischer Sprachen notwendige Wortart // Zeitschrift flr Slawistik, 1972, Bd. 17, S. 401-409.

Vendler 1967 - Vendler Z. Linguistics in Philosophy. Ithaca, 1967.

ZatovkaÁik 1965 - *ZatovkaÁik M.* NeosobnĚpredikativa a dvary pĚibuznĚ, zvláĚtĚ v ruĚine // Rozpravy „eskoslovenskĚ akademie v d, 1965, seĚt 6, ro.nĚ 75.

Zimmerling 1992 - *Zimmerling A.* Die unpers`nlichen Satzmodelle in der altisl@ndischen Sprache // Texte und Untersuchungen zur Germanistik und Skandinavistik, Bd., 30, Lilja Popowa (hrsg). Peter Lang Verlag, 1992. Frankfurt a.M.- Berlin- Bern - Paris- New York, 309-328.